

Недавно "Куранты" опубликовали беседу с одним из Кукрыниксов — Николаем Александровичем Соколовым. В нее был включен эпизод о работе Кукрыниксов в театре Мейерхольда. Редакция попросила художника рассказать о встречах со знаменитым режиссером подробнее. Так родился этот материал под названием

МЕЙЕРХОЛЬД, КАКИМ ЕГО Я ЗНАЛ

Всегда беспокойно-красивый, удивляющий неожиданно новым, острым, запоминающимся. И при этом — очень жизненным, правдивым, казалось, подмеченным только им.

Спектакли — "Великодушный Гоголец" и в контраст ему — "Лес", "Ревизор" и сегодняшний "Мандат". Но вот "Клоп"... За ним "Баня" и — вдруг... "Дама с камелиями"...

Одни названия спектаклей, не требующие упоминаний авторов пьес, представляют резкий контраст друг другу. Их постановки тоже всегда были невероятно контрастно талантливыми.

В каждом — свое особое оформление, музыка и, конечно, удивительная игра актеров. Великий талант режиссера всегда шел навстречу талантам каждого актера его театра и, соединившись, создавал самые неожиданные, невероятно жизненные образы, ситуации.

Ильинский, Бабанова, Тяпкина, Гарин, Мартинсон, Охлопков, Штраух, Свердлин, Боголюбов... Многие другие. В них зритель влюблялся с первого спектакля, унося с собой надолго запоминавшиеся слова и интонации, отрывки мелодий, песни. А главное, стремился снова пойти на спектакль и опять получить огромное удовольствие, как впервые.

Одним из самых интересных и неожиданных моментов репетиций его спектаклей была работа с актерами.

Сначала Мейерхольд предлагал актеру показать, выйдя на сцену, как тот понял свою роль. Пусть произнесет текст, сыграет сцену. Если он остался доволен тем, что увидел и услышал, из зала тогда произносился громкое "хорошо!"

Если же нет, он сам не выходил, а выбегал на сцену и начинал "показ" актеру, как он считает надо ему играть, произносить текст.

Нередко после такого "показа" раздавались аплодисменты сидевших в зале актеров театра. Говорят о деспотизме Мейерхольда — это неверно. Он терпеливо добивался того, чего хотел, бывал ласков.

Нам — Кукрыниксам — посчастливилось работать в его театре в качестве художников-оформителей четырех картин первого отделения спектакля "Клоп" пьесы В. В. Маяковского по приглашению актера. Мы рисовали в цвете эскизы стен "Универмага", "Общественных студентов", "Свадьбы Присыпкина" и "Пожара". Работали мы и над эскизами ряда костюмов и грима для игравших в этих картинах актеров.

Идея Мейерхольда, и с ней

был согласен Маяковский. была такой: мы как художники, к тому же сатирики, должны были искать в магазинах и на рынках те безвкусные, пошлые вещи, которые "украшают" большинство жилищ зрителей. Это же относилось и к безвкусице нарядов. Зритель должен был узнавать на сцене в витрине универмага, в квартире "Мадам Ренессанс" те самые предметы, какие у него дома создают "красоту" жизни.

"У нас такая же лампа с абажуром дома! Такое же платье есть, костюм — точно!" — вот что должен был сказать зритель, увидев "свои" вещи на сцене. Так говорил Мейерхольд. Все должно быть настоящим, что имеют дома люди. Идите, ищите, доставайте!

Этим способом и режиссер, и согласный с ним автор пьесы надеялись высмеять мешанскую пошлость, убогость вкусов.

Мы много ходили по магазинам с артистом Игорем Ильинским, искали ему и другим актерам безвкусные, плохо сшитые костюмы, платья. Что-то приходилось порисовать. Все утверждалось и Мейерхольдом, и Маяковским. Один персонаж, а им был Онегин Баня, долго не устраивал Маяковского. "Не то", — говорил он. Есть эскиз, где стоит надпись "Утв. Вс. Мейерхольд, но надо показать еще и Маяковскому".

Маяковский иногда заходил в нашу крохотную комнату при одной из лож, садился и рисовал зеркало, расписанное цветами для парикмахерской, или смотрел эскизы.

Поэт называл режиссера "Всеволод Эмильевич", а тот его "Володя", но оба были на "ты". Очень ласково снисходился Мейерхольд к совсем молодому тогда композитору Д. Д. Шостаковичу, автору острой музыки к спектаклю. Иначе как "Митенька" он не называл его.

Это была наша первая большая работа в столь серьезном и любимом нами театре. Каждая мелочь, вроде отсутствия букета в сцене свадьбы, удручала нас, на что Мейерхольд спокойно и ласково говорил: "Не расстраивайтесь, милые, ведь в каждой премьере всегда чего-нибудь не хватает, даже если к ней прибавить три дня! Никто не заметит."

Много позже, бывая дома у В. Э. Мейерхольда, мы слышали от него, что картины спектакля, оформленные нами, зритель воспринимает с большим интересом, весело, по сравнению со второй частью, где показано "будущее" через 50 лет.

"Вторую часть спектакля надо было решать по-другому, интересней! — говорил Всеволод Эмильевич. — Так сна выглядит скучновато-однооб-

разной, внимание зрителя ослабевает. А мы с вами еще поработаем вместе в театре."

... Тридцатые годы. Здание театра его имени на капитальном ремонте. Перестраивается по его проекту — оно будет более современным, удобнее для зрителей и для актеров, для спектаклей. Говорили, что сцена будет в середине зала.

А пока, временно, он проводит репетиции нового спектакля "Дама с камелиями". Героиню будет играть Зинаида Николаевна Райх. Для постановки Мейерхольду нужны альбомы-монографии французских художников-импрессионистов Эдуарда Мане, Ренуара. Он просит Кукрыниксов дать ему эти книги. Мы принесли ему домой. Он увлеченно рассматривает их.

Когда наступает премьера, то мы видим, как тонко использовал режиссер шедевры французской живописи. Сцены спектакля одна за другой воссоздают — по цвету, композиции, в образах действующих лиц — неповторимые шедевры живописи. Это живое "мейерхольдовское" восприятие того стиля, той эпохи Франции, какое дается в самой пьесе, ее персонажах. Это как бы и Мане, и все же это Мейерхольд — не живопись, а театр.

Еще ранее мы приносили Мейерхольду монографии гениального художника-сатирика Оноре Домье, они помогли ему в постановке спектакля "Свадьба Крестьянского". А в спектакле "Ревизор" им очень остроумно была придумана "немая сцена", заключающая спектакль. После фразы "К нам едет ревизор!" — все актеры замирали на сцене в различных позах. Гас свет, звучала музыка, и снова заигрался звет на сцене, неподвижно заполненной действующими фигурами в тех же позах, но это были уже куклы со сходством персонажей и в тех же костюмах и платьях гоголевских времен, в каких находились

Куранты. — 1992. — Занят. — с. 6.

— Ваша характеристика у меня шестьдесят седьмая о Мейерхольде. А какая она — положительная или отрицательная?

Удивленные вопросом, мы отвечаем:

— Конечно, положительная. Как же можно писать отрицательную, если человеку готовится реабилитация?

— Ну, можно ведь всякую написать.

Нам показывается "дело" подсудимого Мейерхольда. Толстая, обтрепанная по краям папка. В ней подшита масса каких-то бумаг, напечатанных на машинке, написанных от руки. Мелькают фамилии, подчеркнутые цветным карандашом.

Номер "дела" — девятьсот девяносто с лишним тысяч! Под миллион! Закрыв папку, прокурор говорит:

— Это все липа! Мы смотрим на эту чудовищную папку и думаем: это все, что осталось от такого человека, каким был В. Э. Мейерхольд.

— Какова его судьба? — спрашиваем мы.

— Его давно нет в живых. Он расстрелян в 1940 году. Вы тоже были в "черных" списках.

Жутко было услышать эти слова. Мы знали, что во время войны нас трое Кукрыниксов, художника Бориса Ефимова, писателя Илью Эренбурга, диктора Юрия Левитана и кого-то еще сам Геббельс вставил в список тех, кого в первую очередь надо повесить после победы фашизма над нашей страной. Получалось, что с двух сторон нас собирались уничтожить! И свои — даже раньше фашистов.

Горькое чувство испытывали мы, покидая военную прокуратуру.

Мои друзья — "Кукры" и я — мы много раз рисовали и дружные шаржи, и портреты при

жизни В. Э. Мейерхольда. Когда-то получалось, иногда не очень. Внешний облик режиссера был интересен. Лицо, руки, вся фигура выражали артистизм натуры — этого выдающегося человека. Он не обижался на шаржи, любил их, как и все остроумное, смешное.

Последний портрет его я писал с перерывами несколько лет. В нем хотелось показать режиссера во время репетиции. Фон портрета сознательно сделал условным. Эту свою работу я подарил будущему музею В. Э. Мейерхольда.

Будущему потому, что пока его нет, а только уже порядочное время идут хлопоты о создании такого музея-мемориала. Очень желательно было бы видеть его в бывшей квартире В. Э. Мейерхольда. На доме, где он жил, уже есть мемориальная доска. Такой музей-квартира сможет лучше знакомить посетителей со всем тем ценным в театральном искусстве, что создано талантом Мейерхольда.

Очень хорошо, что уже присвоено имя В. Э. Мейерхольда театальному музею в городе Пензе — на родине режиссера. Много забот и трудных хлопот для этого было проявлено его внучкой М. А. Валентей-Мейерхольд.

Сейчас наша страна, ее руководство с почтением и уважением встречают всех тех деятелей культуры, которые или были несправедливо выдворены из нее, или уехали по своему желанию. Это справедливо и хорошо. Но любая несправедливость по отношению к великому артисту и режиссеру-новатору, каким был талантливейший В. Э. Мейерхольд, может вызывать лишь недоумение.

Ник. СОКОЛОВ
(Кукрыниксы).
Мейерхольд на репетиции.
Репродукция с картины.

Прошли многие годы.

Позади оказалась страшная война с гитлеровским фашизмом. Страна наша начала приходить к себе.

1954 год. Нам сообщают, что готовится полная реабилитация... В. Э. Мейерхольда. Никто не знает, что с ним. Жив ли?

— Вы — Кукрыниксы — были художниками-оформителями первой части спектакля "Клоп" в театре В. Э. Мейерхольда. Просьба к вам: можете дать письменную характеристику Всеволоду Эмильевичу? Она нужна для его полной и безоговорочной реабилитации.

Идем в военную прокуратуру, несем туда характеристику. Просьба исходила отсюда.

Молодой красивый военный прокурор В. В. Рязский говорит: